

**Халил Мусаев
Шихабудин Ильясович Микаилов
Три буквы на моем заборе. КВН**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8683878

Три буквы на моем заборе. КВН. Мусаев Халил, Микаилов Шихабудин: ИД «Эпоха»; Махачкала;

2008

ISBN 978-5-98390-049-3

Аннотация

Удивительно правдивая и веселая повесть о жизни, творчестве и маленьких тайнах самого крупного и титулованного в России КВНщика Халила Мусаева.

Мусаев Х., Микаилов Ш. Три буквы на моем заборе. КВН

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критику. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана...

М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»

А потому обойдемся без предисловий...

-Халил, а что бы ты сказал, если бы вдруг встретил умную, добрую, чуткую женщину?

– Здравствуй, мама!

...Мама хотела, чтобы я стал бухгалтером. И, судя по всему, я им стал. Чайник свистит на кухне. Ненавижу этот звук. Каждое утро он напоминает мне, что через сорок три минуты я должен быть в конторе. Пятнадцать минут на завтрак, три, чтобы дойти до остановки троллейбуса, пять, чтобы его дожидаться, и двадцать, чтобы доехать до Главного Управления РСФСР по охране культурного наследия какого-то засранца. Этот нехороший человек сорок лет мотался по России со своими пошлыми шутками, мерзкими пантомимами и идиотскими песенками, а вся страна стояла в очередях за билетами на его концерты. И вот теперь, когда его с почетом и орденом проводили на заслуженный отдых, наше Главное Управление, при котором я – Халил Магомедович Мусаев служу старшим экономистом, с 9 до 18 изучает и охраняет его выдающийся вклад в мировую сценическую культуру. Работа у меня малополезная для здоровья, зато стол, за которым я сижу, расположен прямо у батареи, что позволяет мне с оптимизмом встретить очередной Атлантический циклон. Зарплата не то чтобы очень, но вполне приличная – 160 рублей, включая надбавку за двадцатилетний стаж безупречной работы. И все бы ничего, вот только квартальный отчет стабильно – раз в три месяца – портит настроение и снижает и без того очень скромный аппетит.

В кабинет не входит, просто врывается Наташка Варфоломеева из отдела фольклора. На всех праздниках поет. На Новый год поет, на 23 февраля поет, на 8 марта опять петь будет. Хотя бы один раз стишок какой рассказала. Тоже мне Эдита Пьеха.

– Халил Магомедович, шеф вас кличет. И будьте так добры, захватите с собой финплан на третий квартал.

– Обязательно Наталья Владимировна. Как ваши детки?

– Какие детки, Халил Магомедович, я же не замужем.

– Дааа. Но поете вы очень страстно, так бы слушал вас и слушал.

– Так я вам прямо сейчас спою, какие проблемы.

– Боюсь, нашему шефу это не понравится, Наталья Владимировна. Я вас 8 марта с удовольствием послушаю.

Андрей Юрьевич Галанов – руководитель нашего Управления – человек положительный. В смысле положить на него считает делом чести добрая половина нашего коллектива.

Другая половина молча пашет за всех, потому как имеет ях-намус или, попросту говоря, совесть. Я как раз вхожу в ту половину, у которой ях-намус имеет место быть. Видимо, поэтому каждый раз, входя в кабинет шефа, изрядно потею.

– Андрей Юрьевич, вызывали?

– Да, Халил Магомедович, проходите, садитесь. Я вас собственно вот по какому делу пригласил. Вы у нас в Управлении сколько лет уже служите?

– Весной двадцать будет.

– Да, прямо скажем, стаж (букву «ж» шеф жужжал секунд тридцать). Пора переводить вас на более ответственный участок работы. Как вы считаете?

– Не знаю, справлюсь ли, Андрей Юрьевич.

– Справитесь. В крайнем случае коллектив вас поддержит, он у нас крепкий. Я бы даже сказал, здоровый!

Да, ничего себе денек начался. И контролер этот в троллейбусе на рубль штрафанул. Откуда он только взялся. Со школы зайцем езжу в общественном транспорте, и ничего. А тут на тебе. Нарисовался. Билетик ему предъяви. Дай Бог здоровья его теще.

– Так вот, хотим мы вас, Халил Магомедович, назначить руководителем отдела учета шуток. Опять же к зарплате прибавка. Целых 25 рэ! Идите, обрадуйте супругу.

– Я, Андрей Юрьевич, в некотором смысле холост.

– Вот как раз и женитесь теперь. Кстати, Наталья Владимировна вами почти очарована.

– Откуда, Андрей Юрьевич, информация, позвольте поинтересоваться?

– Что за вопросы, я у вас руководитель или где? Идите в отдел кадров, пишите заявление или что там полагается писать в таких случаях. Все, у меня работы много, а времени как раз наоборот.

Начальник отдела кадров Шабан Салихович Муслимов, человек немолодой и весьма грузный, встретил меня добродушной улыбкой.

– С повышением вас, Халил Магомедович!

– Уже знаете...

– Все Управление уже знает, готовьте бутылочку. Лучше две.

Я бы приготовил, только этот модный хлопец в троллейбусе у меня последний рубль умыкнул. Нет, все-таки надо было внимательнее проверить его удостоверение. Подозрительный был поц!

– Может, тогда по такому случаю, Шабан Салихович, одолжите пятерку до получки?

– О чем речь, коллега. Берите червонец, большая должность – большие расходы.

– Халил, вставай. Халил, вставай. Халил, вставай. Халил, вставай. Да проснись ты наконец, уже двенадцать, у нас концерт через три часа. Хватит дрыхнуть. Андрей два раза уже заходил, ругался.

С «дедушкой» Ванати.

С трудом открываю глаза. Судя по мебели и размерам комнаты – гостиничный номер. Перед зеркалом завязывает на шее галстук Ванати и ворчит, как старый дед. Хотя он и есть дед. Сорок лет почти!

– Где мы вчера были, Ванати?

– Вчера у нас был концерт в Управлении культуры Республики Казахстан, а потом ты смылся с каким-то узкоглазым пацаном.

– А сегодня у нас что?

– Еще один концерт. В местном МВД.

– А год сейчас какой, Ванати Шарифович?

– Одна тысяча девятьсот девяносто седьмой от рождества Христова. Хватит валять дурака, иди умывайся.

– Представляешь, мне приснилось, что я двадцать лет работаю в какой-то конторе, меня повысили, и еще в меня влюбилась Наташа Варфоломеева... У нас соленья ничего нет?

Мама хотела, чтобы я стал бухгалтером...

– А где наш писатель? А вот, это наш гений. Расскажите, пожалуйста, о своем творчестве.

– Я сейчас книгу пишу про всякие подлости и жестокости.

– А как будет называться?

– Моя жизнь.

Я решил написать книгу. А почему бы и нет. Сейчас все пишут. Вы «Дом-2» смотрите? Смотрите, смотрите. Его все смотрят, хотя не все признаются. Так вот там есть одна блондинка, она тоже книгу написала. А я чем хуже? Книга будет про мою жизнь, про КВН, как мы репетировали и играли, как выигрывали и проигрывали, про друзей, про знакомых и незнакомых девушек. Про Маслякова расскажу. Всю правду. Страна обязательно должна знать своих героев. Это я сейчас про себя. А то вы, наверно, подумали, что про Маслякова. Все тайны Дагестанского ОМОНа выдам. Ну не все, конечно, только те, которые знаю. Про наше телевидение кое-что поведаю. В общем, постараюсь, чтобы вам было интересно, а местами даже весело, уважаемый читатель.

Как возникла идея написания этой книги? Очень просто. Мой друг Шихаб Микаилов как-то сказал, «...пора, мол, старик и тебе написать свою книгу». Это он так пошутил. Прошло время, и эта шутка с книгой стала обретать вполне реальные черты. На первом этапе главным нашим оружием были диктофон и хороший стол с закуской, ну а потом все традиционно – компьютер, издательство, типография. Конечно, мы далеко не Ильф и Петров, но честное слово, мы старались.

Есть один замечательный писатель – сатирик, вы его знаете – Михаил Мишин. Так вот он на обложке одной своей книги написал: «Кто взял в руки эту книгу – молодец. Кто прочитал – благородный молодец. Кому понравилось – молодец с юмором. Остальным – не волноваться. У них всегда есть шанс». Полностью с ним согласен!

– Впервые я совершил чудо в трехлетнем возрасте, когда превратил новое мамино платье в кучу цветных лоскутков.

Мне исполнился год.

Я родился светлым майским утром 1974 года. Это знаменательное для всей страны событие произошло в махачкалинском родильном доме по улице Батырая. И почему-то прошло незамеченным в масштабах страны. Старики поговаривают, что вместо первого плача я произнес: «Мы начинаем КВН», но лично мне эта легенда нравится не очень. Когда парню исполнилось три года, родители решили, что пора ребенка определить в коллектив, и я пошел в детский сад «Ласточка» на соседней улице. Именно в этом замечательном заведении со мной и произошли некоторые события, врезавшиеся мне в память только потому, что они были ПЕРВЫМИ. Итак, по порядку.

Моя детсадовская группа.

Первый подарок. На день рождения вся наша группа подарила мне живую черепаху. Я гордо притащил ее домой, завив, что теперь она будет жить с нами. Однако мама подарка не оценила, заметив при этом: «Мне в квартире и двуногих вполне достаточно, тащи эту рептилию обратно в свой детский сад». На утро, обливаясь слезами, я принес Тортилу в садик, посадил ее в траву и стал ждать. Но черепаха даже и не думала двигаться с места. Мы просидели друг напротив друга, как говорят англичане *faus to faus*, часа два, пока наша вредная (я тогда так думал) воспитательница не потащила меня обедать. Когда я вернулся, черепахи уже и след простыл. Мне объяснили, что она ушла к своим деткам, и, погоревав еще полдня, я забыл про свой первый в жизни подарок.

Первая любовь. Она была такая... Такая... Ну не помню я, какая она была. НЕ ПОМНЮ. Но я на все 100 % уверен, что она была! Звали ее... Нет, все-таки я сохраню эту тайну до конца своих дней. Она теперь уже старая, наверное. Замужем давно. Как же ее звали?

Ах, сударыня, когда мы с Вами вместе,
Все цветочки расцветают на лугу!
Я скажу Вам, сударь мой:
Мне бы надо бы домой,
Но цветочки я обидеть не могу!
Как приятно и забавно,
Что я очень нравлюсь Вам,
Ну, а Вы мне и подавно!
Вот и славно, трам-пам-пам...

Первый побег. Через полтора года, уже будучи воспитанником старшей группы, я совершил дерзкий побег. Его план я разработал еще с утра, а осуществлять стал сразу после полдника. В то время, когда все мальчишки и девчонки мирно дожидались в беседке своих родителей, я незаметно для воспитательницы пролез в маленькую дырочку в детсадовском заборе и оказался на свободе. Быстрым шагом я направился к улице Гагарина. Стоял чудный июньский день. Падал с деревьев тополиный пух, пели птички в парке напротив, а я в черных шортах и почти белоснежной рубашке иду, улыбаясь встречным горожанам, совершенно довольный собой. Навстречу мне, ничего не подозревая, шла с работы моя мама. Увидев меня, она остановилась, как вкопанная.

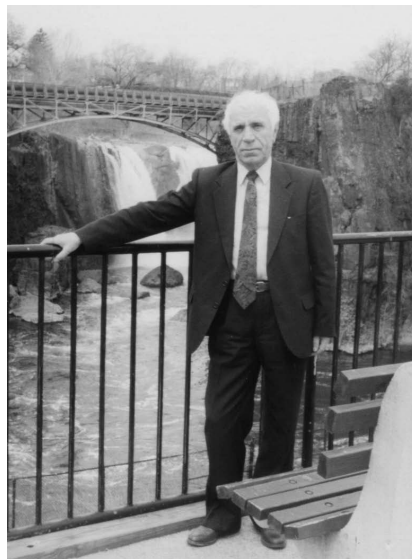
- Ты что тут делаешь?
- Домой иду.
- С кем?
- Один.
- Я тебе покажу «один»!

Дома мне, конечно, «всыпали по первое число». И вот когда допрос с пристрастием уже был окончен и мне по такому случаю выдали большой бутерброд с вишневым вареньем, в квартиру ворвалась зареванная воспитательница.

- Марьям Гусейновна, ваш сын пропал...

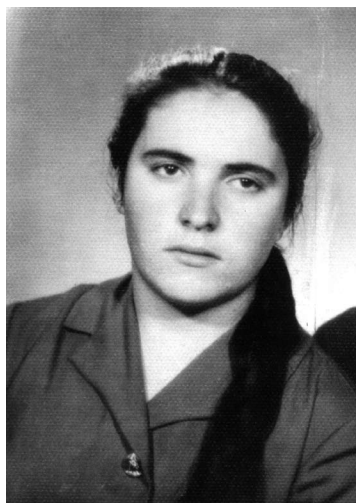
Киднэппинга в нашей стране тогда еще не изобрели.

- А вот, когда деревне, я все время думал: чью же фамилию взять, отца или матери?
- Ну, и чью взял?
- Двойную. Джонсон и Джонсон.

Это мой папа...

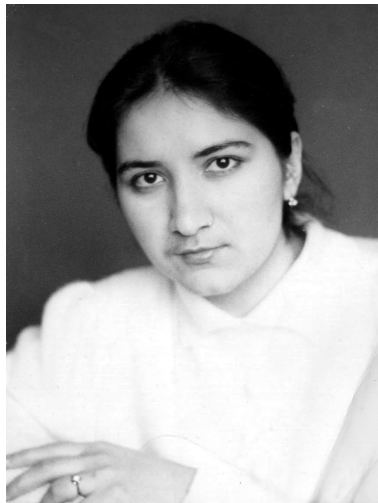
Самое время рассказать о моих родителях, о нашем большом и уважаемом тухуме. Мой отец, Магомед Каирович Мусаев, – один из первых в нашей республике, кто закончил факультет театральной режиссуры Государственного института театрального искусства в Москве. В Дагестане выпускников ГИТИСа можно пересчитать по пальцам одной руки. Тридцать пять лет он отдал родному дагестанскому телевидению, где проработал режиссером телевизионных программ. В прошлом году, когда отмечали его восьмидесятилетний юбилей, один гость сказал, что стены телекомпании до сих пор еще помнят его раскатистый и звонкий смех. Если у меня есть чувство юмора, то это точно от него.

...а это мама.

Мама, Марьям Гусейновна, от отца тоже далеко не отстала и нередко выдает такие перлы, что и Жванецкому не снились. Родилась она ровно через один месяц и два дня после ядерной бомбардировки американцами японского города Хиросима. Не знаю, отразился ли сей факт на Японии, но на мамином характере отпечатался серьезно. Она у нас с самого детства не любит войну. Всю жизнь она посвятила самой гуманной профессии на свете. Вот уже четвертое поколение детей лечится у моей мамы. Есть у меня замечательная старшая

сестра Разият – кандидат педагогических наук, она сейчас преподает в педуниверситете. Она самая лучшая сестра на свете.

Сестра Разият

С отцом года три назад произошла одна забавная история. Пошел как-то папа в пенсионный фонд по поводу своей пенсии поинтересоваться. А ему там заявляют:

– Вы, Магомед Каирович, к Магомеду Абдулкаировичу какое отношение имеете?

– Так я, собственно, это он и есть.

– Как же вы, когда у вас в паспорте четко написано: КАИРОВИЧ, а по нашим документам речь идет об АБДУЛКАИРОВИЧЕ.

Отец долго объяснял, что когда-то в сельских бумагах писарь-лентяй решил сэкономить казенные чернила и удалил из отчества «Абдул». Так я и стал Каировичем, а отца на самом деле звали Абдулкаир. В пенсионном фонде в эту историю не поверили, и отцу пришлось обращаться в суд с заявлением, что он – это он! И вот состоялся суд. Самый настоящий. Федеральный судья Советского районного суда города Махачкалы Махач Гимбатович Алиев вынес постановление: «...Считать Мусаева Магомеда Каировича Мусаевым Магомедом Абдулкаировичем». Отец радостный пришел домой с этой бумажкой. Справедливость восторжествовала!

Селение Чох.

Наш большой и славный тухум Мусаясул-Манижал родом из знаменитого дагестанского села Чох. Много достойных людей, известных за пределами республики, родом из этих мест. Именно под Чохом объединенные силы народов Страны гор в восемнадцатом столетии наголову разбили полчища завоевателя Надир-шаха. Мой прапрадед Маниж-Магомед Мусаев был ювелиром. Но погиб он с оружием в руках, освобождая Болгарию от турецкого ига капитаном царской армии. За военные подвиги российский император предоставил его детям возможность за казенный счет учиться в учебных заведениях России. Как свидетельствуют сохранившиеся документы, ни один из его детей не посрамил чести своего отца. Верой и правдой служили они отечеству и императору, участвовали во многих военных операциях, были награждены многими орденами и медалями. Один из внуков Манижа-Магомеда – Халил-Бек Мусаясул, в честь которого меня, собственно, и назвали, учился в Мюнхенской Академии художеств. Позднее он стал знаменитым художником, его картины составляют золотой фонд музеев Нью-Йорка, Парижа, Рима, Каира. Сейчас его имя уже достаточно широко известно у нас в стране, но были времена, когда одно упоминание о нем могло стоить больших неприятностей. На истории жизни Халил-Бека я хочу остановиться подробнее.

Первым местом учебы юного Халил-Бека было Грозненское реальное училище, окончив которое, он переезжает в Саратов. Проучившись год в Боголюбовском реальном училище, Мусаясул сдает экзамен по «анатомии строения человеческого тела». Затем было Тифлисское училище изящных искусств, а в 1913 году он едет в Германию и становится студентом Мюнхенской Королевской Академии художеств. Но продолжить образование помешала первая мировая война. С огромным трудом Халил-Бек возвращается на родину. Здесь он работает главным художником в первой в Дагестане типографии Магомеда-Мирзы Мавраева. В 1921 году Халил-Бек возвращается в Мюнхен, чтобы продолжить учебу в Академии художеств. Больше вернуться в родной Дагестан ему было не суждено. Ярлык невозвращенца (хотя Халил-Бек предпринимал несколько попыток вернуться в СССР), приклеенный ему советскими карательными органами, больно ударил по семье Мусаевых в те годы. В 1938 году расстреляли моего деда – учителя сельской школы. Когда началась Великая Отечественная война, уже будучи гражданином Германии, Мусаясул на свои собственные средства как мог помогал пленным землякам-кавказцам. Понимая, что в СССР бывших военноплен-

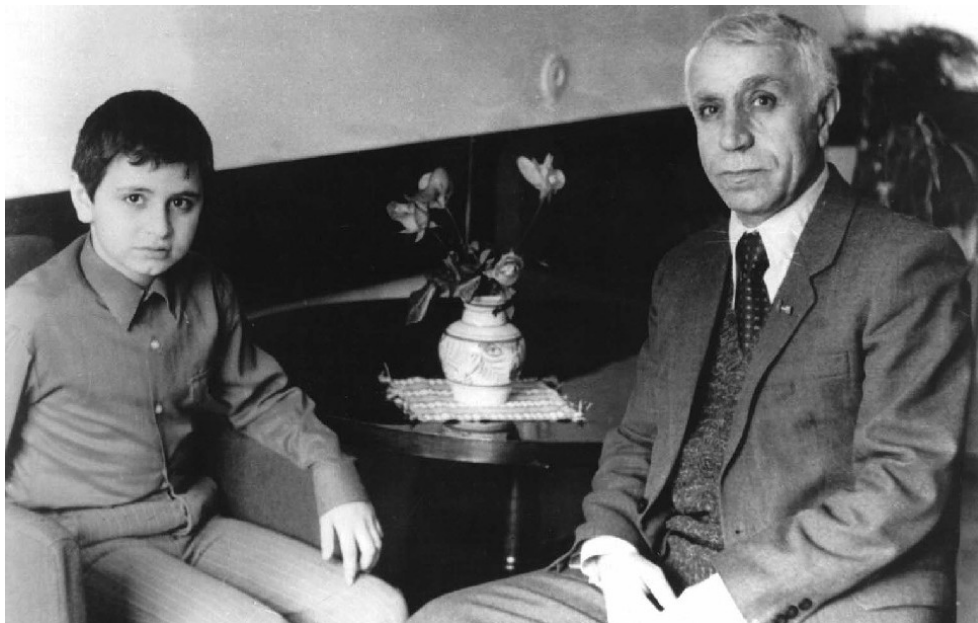
ных ждет концентрационный лагерь, он сумел переправить в США несколько сотен узников немецких лагерей дагестанцев, чеченцев, карачаевцев, осетин. Когда война закончилась, он переехал в Америку и поселился в Нью-Йорке. Женитьба на девушке по имени Мелани с новой силой развернула его творческое дарование. Но в 1949 году, в пятидесятитрехлетнем возрасте, он умирает от инфаркта. Многие факты из жизни Халил-Бека стали известны нам совсем недавно. Баронесса Мелани Мусаясул написала моему отцу и дяде Омару несколько писем, а в 1990 году по ее приглашению они ездили в США на могилу Халил-Бека. Все его картины, дневники, документы Мелани бережно сохранила и передала в дар нашей семье, Дагестану. Умерла она совсем недавно, когда ей было уже больше 90 лет, но до последних своих дней эта американка помнила аварский язык – язык своего мужа. Полмира объездил Халил-Бек Мусаясул, жил в Европе и Америке, но при знакомстве с новым человеком всегда представлялся так: «Халил-Бек, художник из Дагестана».

Мой дядя Омар, баронесса Мелани Мусаясул, отец и американский продюсер Роджерс. Нью-Йорк. Июнь 1990 г.

1955 год. Выпуск ГИТИСа. Крайний слева – папа (в образе). В центре – А. Даниялов и ректор А. Горбунов.

С папой. Мне 10 лет (я – слева)

- А жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно...
- Да нет, чтобы вообще не было больно!
- И чтобы было просто приятно за бесцельно прожитые годы!

Мои «бесцельно прожитые годы» начались 1 сентября 1981 года. Я пошел в первый класс Махачкалинской средней школы №38. Отец, воспользовавшись служебным положением, привел с телевидения оператора с кинокамерой, и я «попал» в объектив. Эта пленка сохранилась у меня до сегодняшнего дня как подтверждение того, что когда-то я был весьма спортивного телосложения. Но о моем отношении к спорту я расскажу в другой главе, а пока – о школе...

Школа была большая. Класс у нас тоже был большой, больше сорока учеников. Половина из них были из моего детского сада «Ласточка», видимо, поэтому адаптация к новой жизни для меня прошла как-то незаметно. Поскольку детишек в счастливой Советской стране рождалось много, учиться в нашей школе приходилось в три смены. Однажды маме с папой мои поздние возвращения с уроков надоели, и меня перевели в соседнюю школу №39. Я терпел года три, но потом заявил свой решительный протест, и меня вернули обратно к моим друзьям. В подростковом возрасте я почти стал хулиганом. Район у нас был такой, там все тогда в большей или меньшей степени были хулиганами. К этому периоду времени относится одна махачкалинская история, главным героем которой мы все очень гордились. Вот эта история.

«Елочка». Быль.

Примечание: На милицейском жаргоне «Елочкой» называют подследственных, на которых можно повесить еще несколько нераскрытых дел.

В самый разгар эпохи застоя в нашей тихой и курортной Махачкале появился откуда ни возьмись вор. Прodelывал он свои черные дела с открытым вызовом для всей местной милиции. Средь бела дня на глазах у многочисленных горожан умыкал он с молодых и обязательно симпатичных девушек золотые украшения. Прodelывал он свои манипуляции так

ловко, что жертва замечала пропажу, когда преступник уже сбывал вещицу на соседнем базаре. Вскоре о нем даже стали слагать легенды. Но и на старуху бывает проруха. Вора взяли. С поличным. Отпираться было бесполезно. Вот здесь и начинается главная часть этого триллера. Доблестные работники милиции, для которых во все времена главным критерием работы был процент раскрываемости преступлений, предлагают этому «герою» компромисс:

– Слушай, друг. Как бы там ни было, тебе катит от трех до пяти. Мы предлагаем тебе сделку. Ты берешь на себя еще четыре-пять дел, а мы устроим тебя в приличную зону, с хорошими рекомендациями.

– Согласен, только все подряд дела я на себя не возьму, – заявляет наш подследственный. – Я вор с узкой специализацией, и дурная слава мне не нужна. Несите дела и дайте мне время, я выберу себе несколько из них.

Ему дают десяток нераскрытых дел, он отбирает себе пять. Начинается суд.

– Гражданин (называют фамилию, имя), вы признаете себя виновным в вышеперечисленных преступлениях?

– Нет, граждане судьи, не признаю. Меня оклеветали. Ни в одном из этих преступлений я не виновен. В то время, когда они совершались, я сидел в Иркутске по совершенно другому делу. Можете проверить.

Направляют запрос в Иркутск. Действительно, в это время «деятель» сидел по обвинению в карманной краже в камере №514, но за недостаточностью улик был отпущен. Махачкалинские сыщики были в шоке. Они то ли поленились проверить, где их подопечный находился в период совершенных преступлений, которые работники решили на него повесить, то ли забыли это сделать. Судьи посчитали, что, раз в четырех делах из пяти подсудимый точно не виновен, значит, и пятое сфабриковано. Хитрого и изворотливого вора отпускают прямо из зала суда.

Это история гуляла от одного двора к другому, обростала новыми подробностями и в итоге стала красивой легендой. А один местный бард, знавший три аккорда на гитаре, сделал из истории песню куплетов на тридцать. Дворовая братва пела по вечерам в подъездах, пугая местных старушек, плевалась через щель в зубах и курила «Космос». Эта была наша форма протеста. Правда, против чего или кого мы протестовали, никто из нас не знал, но многие в итоге оказывались «в местах не столь отдаленных». Эта участь, вполне вероятно, могла постигнуть и меня, но я вовремя нашел применение для своего свободного времени, которое составляло в те годы 24 часа в сутки.

– Чтение книг – это старинный дагестанский обычай!

– Сейчас проверим!

– Халил, ты сейчас какую книгу читаешь?

– Тит Лукреций Кар. «О природе вещей»!

– Да он издевается!

– А ты сам начал!

По стране широкими шагами разворачивалась горбачевская перестройка. В магазинах пропала колбаса, и исчезли сигареты. Зато появились гласность и свобода. На нас, старшеклассниках, она отразилась следующим образом. В порядке эксперимента ввели свободное посещение большей части предметов школьной программы. Обязательными были точные науки и почему-то химия. Химию я не любил. Она меня – тоже. Из всего курса школьной химии помню только формулу этилового спирта – $C_2H_5(OH)$. И то только благодаря одному анекдоту.

Анекдот.

Дивизии Василия Ивановича поручено захватить железнодорожную станцию, на которой стояли цистерны со спиртом. Взять-то ее – не проблема, а вот как потом сохранить в целости спирт от доблестных красноармейцев? Решили под покровом ночи поручить Петьке цистерны замаскировать. Станцию взяли. Но на следующий день вся дивизия, включая лошадей, была в дуплете. КАК УЗНАЛИ??? Вызывают Петьку.

– Ты цистерны замаскировал?

– Так точно, Василий Иванович, замаскировал. Я со всех цистерн стер слово «Спирт» и написал его формулу – $C_2H_5(OH)$.

Вызывают красноармейца. Тот еле-еле дополз до начальства. Его спрашивают:

– Как определили, что в цистернах спирт?

– Идем, видим: большие бочки на колесах. На них какие-то буквы, цифры нарисованы. А в конце написано: «ОН». Попробовали, точно, он!!!

Вот так благодаря анекдоту я даже во сне могу вспомнить формулу этилового спирта. Из курса математики я вообще ничего не помню. Скорее всего, потому, что не было тогда приличных анекдотов на эту тему. Выбор направления дальнейшей учебы в вузе определил, как это часто бывает, случай. Я уже учился в одиннадцатом классе и морально готовил себя для поступления на экономический факультет сельскохозяйственного института, но в один прекрасный день встретил сына одного папиного друга – Османа Махачева. Он шел на курсы арабского языка. Я почему-то тоже захотел знать арабский язык и уже на следующий день сидел за партой вместе со своей сестрой, которая решила составить мне компанию. Занимались мы во второй школе по вечерам. Преподавал нам сириец, мой тезка Халил. Вскоре я так увлекся арабским языком, что твердо решил поступать на арабское отделение факультета иностранных языков педагогического института.

В середине лета 1991 года, сдав вступительные экзамены, я с трепетом искал свою фамилию в списке поступивших. Сразу после Мусаевой З. М. чья-то добрая рука начертала «Мусаев Х.М.»

– Поздравляю, выдавила из себя одна пролетевшая абитуриентка. З.М. – это ваша сестра?

– Нет, это моя жена, – заявил я и гордо удалился праздновать.

Мусаевой З.М. оказалась моя бывшая одноклассница по 39-й школе, юная и симпатичная девушка по имени Зюльмира – внучка знаменитого аварского артиста Махмуда Абдулхаликова. Так я стал студентом и сделал главный шаг на пути к Клубу веселых и находчивых.

– А помните, как у Евтушенко?..

– Да, хорошо посидели, настоящий мужик!

Педагогический институт, где мне предстояло учиться ближайшие пять лет, в начале девяностых годов двадцатого столетия представлял собой большой, но мало пригодный для настоящей учебы вуз. По крайней мере, на нашем арабском отделении непосредственно сам арабский язык наши преподаватели нормально не знали. Но, тем не менее, вид на лекциях наши профессора и доценты делали грозный. Студенты вычисляли своих наставников довольно быстро, и главным местом их дислокации становилось все что угодно, но только не лекционный зал.

Студенческие годы. Фотографии Алика.

В первую очередь это была маленькая площадь с памятником Ленина у главных институтских дверей. Там всегда было чем заняться. Во-первых, покурить. Святое дело перед тяжелым студенческим днем. Свои сигареты студенты курить не любили, а потому минут двадцать уходило для подбора приличной компании, центром которой был счастливчик со своей пачкой табака. Во-вторых, можно было сфотографироваться с другом или, если повезет, с подругой у Алика. Алик – это был человек-фотоаппарат. В любую погоду, в любое время суток поджидал он своих жертв у входа в вуз. А поскольку сфоткаться еще не означало выкупить свою фотографию у его жены, отсюда вытекало третье студенческое развлечение, на которое смело можно было потратить полдня, – просмотр Аликовских альбомов. О, это было великое занятие. Ты берешь огромный альбом, садишься за стол и начинаешь из сотен фотографий находить знакомые рожи. При этом ты вызывающе громко хохочешь. Полистав часа три несколько альбомов, ты гордо протягиваешь свои сорок копеек, берешь одну понравившуюся (причем не обязательно свою) фотографию и гордо уходишь, произнося многозначительно: «Мне пора на лекцию».

11-50. Наступало время большой перемены, а значит, заслуженного обеда. Для того, чтобы в студенческой столовке не оказаться в хвосте огромной очереди, приходиться туда нужно было минут за пять до звонка. Тогда у тебя был шанс заполнить свой поднос довольно вкусной, как нам тогда казалось, едой. Откушавши и выкурив послеобеденную сигарету проходящего мимо преподавателя кафедры истории КПСС, ты направляешься в библиотеку. В зимнее время года там всегда тепло и уютно. Можно было что-нибудь почитать, а можно и так посидеть – поглазеть на своих однокурсниц. Часам к трем многие студенты уже расходились по своим делам, а талантливые, такие, как я, шли в клуб готовиться к студенческой весне (об этом я расскажу позже). Вот так проходил стандартный день будущего педагога. Вы спросите: неужели все так учились? Я вам отвечу: конечно, нет. Но многие.

Недели через три после начала моей учебы в институте однажды, когда я каким-то образом зашел на лекцию, в дверь постучали. Это был Шамиль Алиев – студент 3 курса. С разрешения преподавателя он обратился к нам с предложением:

– Нашему факультету предстоит участвовать в студенческой весне. Если кто-либо из вас обладает какими-то талантами, оставайтесь после лекции в этой аудитории. Поговорим и обсудим.

Когда лекция закончилась, в аудитории остался я один. Пришел тот самый Шамиль. Между нами состоялся такой диалог:

– Молодец, что остался. Ты петь умеешь?

– Нет.

– А танцевать?

– Нет.

– Будешь стихи рассказывать?

– Не буду.

– Хорошо, тогда что ты умеешь?

– Ничего не умею.

– Ладно, пойдем, покажу тебе пару пантомим, будешь в СТЭМе участвовать.

СТЭМ – это студенческий театр эстрадных миниатюр, я тогда, естественно, этого еще не знал. Но клуб мне понравился. Он был большой, с просторной сценой, на которой стоял черный рояль. Большие красные мягкие зрительские кресла придавали залу какую-то торжественность. Мы попробовали репетировать. Шамиль мне что-то показывал – я пытался повторить.

Свой первый выход на сцену при переполненном зале я помню смутно. Зато хорошо помню рецензию на наше выступление в студенческой газете. Привожу текст почти дословно: «Факультет иностранных языков, решив пойти по Ленинскому пути «лучше меньше, да лучше», был представлен одним номером. Студент первого курса Халил Мусаев показал несколько юмористических миниатюр. Иногда даже было смешно». В итоговом распределении мест наш факультет благодаря моему сценическому гению занял почетное второе место.

Я твердо встал на скользкий путь студента – КВНщика. И если когда-нибудь вы, увидев мое доброе лицо на экране своего «Филипса», произнесете: «Как надоело видеть по телевизору рожу Халила», вспомните добрым словом Шамиля Алиева. Это его работа.

– Девушка, девушка, а можно я Ваше мороженое укушу?

– Зачем?

– Как зачем? Познакомиться хочу!

С того выступления на студенческой весне учеба окончательно отошла для меня на второй план. Целыми днями мы репетировали в клубе, я оттачивал свое сценическое мастерство, Шамиль руководил процессом. Авторитетом для меня он был абсолютным. Позднее Шама рекомендовал меня в КВНовскую сборную института. Заводилами и звездами команды были два брата с индустриального факультета – Рома и Эрик Рахамимовы. Они умели все. Я – ничего. Но общались они со всеми на равных. Никакой звездности. А звездить было отчего. Один их выход на сцену уже вызывал «бурные, продолжительные аплодисменты». Девчонки любили их страшно! Сейчас они большие и серьезные бизнесмены. Один живет в Канаде, другой в – Израиле.

Как раз тогда я познакомился с Беней Анисимовым – солистом студенческой группы «Фейерверк». Он был худенький в те времена и «косил» под Михаила Державина. Со сцены он пел:

Первые цветы – это очень больно,
Первые цветы... (далее не помню)

Или:

Не плач, Алиса, ты стала взрослой.
Праздник наступил, и тебе уже 16 лет.

И вот наша первая гастроль. Сборная Дагестанского педагогического института отправляется в Пятигорск на товарищескую игру с их командой. На поезде. Нас десять человек, я в том числе. Надо сказать, что до этой поездки я дальше Чоха никуда не ездил. Тем более на поезде. Представляете, какая это была поездка? Помню, из Минвод до Пятигорска мы ехали на электричке. И вот в окне появляется гора Машук. Все притихли. Сидят – любуются. И откуда-то сзади тихий голос Арсена (племянника Карена Мкртчана):

– Пацаны, я знаю, это святое место.

– Почему, зачем, как? – спрашиваем мы.

А он таким же тихим и печальным голосом нам отвечает:

– Это фурункул на жопе матери – земли.

И все дружно заржали. Однако, несмотря на огромное чувство юмора и обаяние нашей молодой команды, игру пятигорской команде мы проиграли. Но я все равно был счастлив. На следующий день всей КВНовской дружиной мы отправились на утреннюю прогулку по городу. Я купил на рынке большую охапку тюльпанов и каждой встречной девушке дарил в парке по цветку. Они улыбались мне, а я – им. И всем было хорошо и весело. Наша процессия проходила рядом с какими-то путями. Я долго терпел, но потом не выдержал и спросил:

– Пацаны, у них что, поезда по городу ездят?

– Халил, ты что, трамвая никогда не видел? – ответил мне кто-то из команды вопросом на вопрос.

Вернувшись из Пятигорска, мы начали усиленно готовиться к игре на кубок города. Это была наша первая серьезная битва с командой ДГУ. Правда, в игре участвовали еще и медицинский, политехнический, и сельскохозяйственный институты, но их мы не чувствовали. Для нас был только один серьезный соперник – ДГУ. О, как мы их ненавидели! Почему? Потому, что они были сильнее нас. Как обычно ведут себя проигравшие команды? «... Судьи – сволочи, звуковик – мудака, не ту фанеру врубил и т.д. и т.п.». Мы же, проиграв им и оставив позади себя еще три вуза, грустно молчали в тряпочку, потому как четко осознавали: они сильнее нас! После игры я впервые познакомился с Андреем Галановым, Шабаном Муслимовым, Мирсамедом, Эльшаном, красавицей Руминой...

– Давайте Серегу позовем!

– Вы чего? Серега же преставился.

– Какой Серега?

– Клавкин. С четвертого.

– Так Клавдия – вдова?

– Ну да.

– Пойду, утешу... Нет, ну как друг!

Наступила поздняя осень 1993 года. К нам на репетицию пришли Шабан и Андрей с предложением объединиться. Даже несмотря на всю силу их команды по местным меркам, для серьезных дел их состав не подходил. Шабан и Андрей это прекрасно понимали, потому и пришли к нам с этим предложением. ДГУ предстояло участвовать в первом масляковском фестивале. Состояться он должен был в Воронеже. Из нашей команды на него

поехали Шамиль и Беня. Меня не взяли. Сволочи. Я не скажу, что это стало для меня серьезным ударом, но несколько дней я ходил хмурый. По итогам фестиваля команду ДГУ включили в состав первой лиги. Это был первый серьезный успех молодой и неопытной команды.

После Дагестанской лиги КВН.

Следующий фестиваль, как и все последующие, уже проходил в Сочи. Команда ДГУ «Махачкалинские бродяги» была усилена четырьмя представителями Дагестанского педагогического, меня опять не взяли. Видимо, еще не набрал достаточного «авторитета». На фестивале «Бродяги» понравились самому Маслякову, и команду включили в состав Высшей лиги! Это был фурор! Все другие отдельные и локальные успехи были не в счет. Их никто не видел! А высшая лига – это, помимо всего прочего, эфир на Первом канале.

Думаю, здесь стоит напомнить, что Республика Дагестан в 1994 году ничего, кроме сплошного негатива и криминала, на федеральные каналы не поставляла. О футбольной команде «Анжи», кроме ее самых преданных болельщиков, тоже никто ничего не знал. «Махачкалинским бродягам» предстояло показать и доказать, что и в Дагестане живут нормальные люди с чувством юмора. А это уже политика!

С этого момента все было подчинено одной идее – победить. Для этого нужно было собрать в команду не только тех, кто очень хотел играть, но и тех, кто УМЕЛ это делать. Прежде всего Шабан и Андрей уговорили «тряхнуть стариной» Карена Мкртчана и Ванати Алиева – мэтров дагестанского юмора. Шоу-бизнеса в Дагестане тогда еще не было. Но был знаменитый в Махачкале студенческий театр «Хорошее настроение».

Вторым шагом руководителей команды был кастинг, по итогам которого меня-таки в команду зачислили. И мы стали готовиться к своей первой телевизионной игре в 1/8 финала сезона 1994 года. Задача у нас была предельно ясная: из шести команд, участвовавших в игре, нам необходимо было занять любое место с первого по четвертое.

- А где ваш руководитель?
- Посадили.
- Как посадили?! За что?
- Кража невест в особо крупных размерах.
- Что, повариху украл?
- Нет, баскетболистку.

В отделе, которым я теперь руковожу, работает шесть человек. Точнее, я и еще пять представительниц прекрасной половины человечества. Младшая влилась в наш славный коллектив прошлой осенью. После того, как благополучно провалила вступительные экзамены в педагогический. Старшую мы уже четыре года безуспешно пытаемся проводить на пенсию. Для того, чтобы попасть в мой кабинет, мне приходится проскакивать через проходную комнату №316, где как раз и делает вид, что работает эта женская гоп-компания. Первые три месяца я, как интеллигентный сын выпускника ГИТИСа, прежде чем войти в дверь нашего отдела, стучал. Но после того, как мне пару раз из-за двери томным голосом отвечали «да-да», а потом ехидно хохотали, я перестал это делать. Проскочив в три шага это злобное помещение, я закрываюсь у себя в кабинете и не выхожу оттуда до обеда. Пообедав в нашей столовке за вторым от входа столиком, я возвращаюсь в кабинет и вечером выхожу из здания последним, чтобы лишний раз не встретиться с «любимыми коллегами по работе».

Всю отчетность нашего отдела веду я сам. Мне так проще. Я, конечно, пробовал взыскать к совести этих красавиц, но быстро понял, что дело это бесперспективное. Что ж, их понять можно. У них дети, которые часто болеют, мужья, которые редко приносят домой зарплату, и вечная проблема, где достать чего-нибудь для холодильника. А я человек одинокий, люблю, знаете ли, повозиться с планами и графиками дома тихим зимним вечером.

Скажите, вы любите весну? Я очень. Как приятно после длинной слякотной махачкалинской зимы подставить щеки ласковому весеннему солнцу, увидеть первые зеленые росточки на кустах в соседнем дворе... Единственное, что омрачает лирическую радость жизни, – это 8 марта. Я бы эту Клару Цеткин задушил собственными руками, попадись она мне на революционных улицах Петрограда... Завтра как раз 8 марта. И ведь заболеть нельзя, подумают, жлоб, подарки зажал. Мы его на 23 февраля поздравили, а он за бюллетенью спрятаться решил! Нет, нужно идти. Пойду к стадиону гвоздик куплю, а открытки у меня еще с прошлого года остались. Куда я их только засунул?

– Здравствуйте, Карен Арташесович, с праздничком вас.

Махачкалинский армянин Карен Арташесович торгует цветами у стадиона лет тридцать. Еще мой папа цветы у него покупал, когда в женихах ходил. На поздравления с восьмым марта он всегда реагирует с большим энтузиазмом, поскольку Международный женский день – это, прежде всего, его праздник. Именно поэтому в первые дни весны дядя Карен бывает особенно улыбочивым.

– О, Халил Магомедович, дАрАгой! Давненько вы ко мне не заходили! Вам розочки или гвАздички?

– Давайте гвоздички. Пятнадцать штук.

– Завернуть?

– Нет, спасибо. Все равно потом распаковывать, я же на пятерых беру. Отдел у меня – одни бабы.

– С вас три пятьдесят, хотя можно и за три. Как оптовому покупателю, вам полагается скидка!

– За скидку огромное спасибо. Я на этот полтинник как раз пообедаю сегодня. Говорят, вы в молодости, Карен Арташесович, пели недурно?

– Скажу вам, как своему старому покупателю, по секрету: я заслуженный артист двух союзных республик и еще народный одной автономной. «Исполнитель лирических баллад, романсов и попури на стихи советских поэтов, заслуженный артист Армянской и Эстонской Советских Социалистических Республик Карен Мкртчян». Так обычно представлял меня конференсье. И всегда после этих слов шли бурные аплодисменты. Да, было время. Теперь вот цветочкам пою иногда, чтобы не вяли на морозе. Только очень тихо. Меня и так здесь за ненормального держат.

– Меня, Карен Аргашесович, на работе тоже за ненормального держат. Так что мы с вами в некотором роде коллеги...

– Халил, поднимайся уже, хватит спать, у тебя самолет через два часа, – слышу я мамин голос. Открываю глаза: родная квартира на Гагарина, подушка любимая.

– Опять этот дурацкий сон про контору, где я бухгалтером... А мужик этот с цветами на нашего Карена почему-то был похож. Да, вот что значит по восемь часов в день репетировать. Раньше девушки молодые снились, а теперь Карен с цветами.

– Внимание, внимание! Уважаемые встречающие, самолет рейсом «Махачкала – Москва» прибыл в аэропорт Внуково!

– Слушай, эти летчики совсем географии не знают! Восьмой раз летим в Москву, а попадаем во Внуково!

14 марта в Махачкалинском аэропорту я впервые увидел самолет. Перед полетом Андрей строго предупредил команду:

– У нас сухой закон. Все поняли, что это такое и какие могут быть последствия для его нарушителя?

Все утвердительно закивали головами и дружно принялись доставать заготовленные заранее спиртные напитки. Дисциплина – первый залог успеха во многих делах! В нашем в том числе. Но главное, что цениться в команде превыше дисциплины, – это вовремя вынутая «из широких штанин» бутылка доброй русской водки!

В аэропорту «Внуково» нас встречал большой автобус. Я долго удивлялся, откуда он узнал, что мы прилетаем, пока мне не объяснили, что его заранее по телефону заказал наш коммерческий директор Шуми Шаботаев. Автобус повез нас в гостиницу «Измайловская». По дороге сама собой родилась наша первая импровизационная московская шутка. Я увидел большое высотное здание и решил блеснуть эрудицией.

– Пацаны, смотрите – Кремль, – громко заявил я.

– Успокойся Халил, это МГУ, – возразил мне Карен. А вся команда еще долго хохотала.

Всю оставшуюся часть автобусной поездки я предусмотрительно молчал. Корпус «Бета» встретил нас красивыми девушками в мини-юбках и игровыми автоматами. Ни тех, ни других я, разумеется, раньше не видел. Так почти одновременно я открыл для себя существование в России игорного бизнеса и представителей первой древнейшей профессии. С обладательницами самых коротких юбок минут через двадцать я был уже знаком и вел приятную светскую беседу. Произошло это таким образом. Пока нас распределяли у стойки администратора по номерам, я сбегал в соседний коммерческий ларек и купил фотоаппарат «Полароид». Смущаясь и краснея, я попросил одну из дам сфотографироваться с ней, чтобы в Махачкале показать знакомым девушкам, какая сейчас в столице мода. Когда же меня Ванати аккуратно отвел в сторону и объяснил цель их пребывания в гостинице, было уже поздно. Я знал по именам всех местных блондинок.

До игры оставалась неделя. Первые два дня прошли спокойно. Часа по четыре мы репетировали в конференц-зале гостиницы, а потом разбредались по своим номерам пить чай. На третий день нам предстоял просмотр перед Самим. К моему удивлению, Александр Васильевич не встретил нас своей знаменитой добродушной улыбкой, с которой у меня прочно ассоциировался его телевизионный образ. В жизни Маляков оказался человеком весьма суровым. Отсмотрев материал, он в сопровождении руководителей команды куда-то удалился. О чем они говорили, я не знаю. Но после разговора с Президентом Шабан и Андрей вернулись хмурыми. Всю ночь и последующие сутки наши авторы не спали, не ели и не пили. Через 36 часов актерскому составу были продемонстрированы новые шутки. Теперь уже досталось нам. Все оставшееся до игры время мы репетировали с редкими пятнадцатиминутными

перерывами на прием пищи. Я не знаю, как репетируют в Большом театре, но думаю, что такого издевательства над живым человеком у них точно нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.